

³ Стојић С. Српско-турски ратови и унутрашњи политички односи у Србији // Србија у завршној фази велике кризе (1875–1878). Научни скуп. Књ. 2. Београд, 1980. С. 275.

⁴ Грујић Ј. Записи. Т. 3. Београд, 1923. С. 126.

⁵ Ристић Ј. Дипломатска историја Србије за време српских ратова за ослобођење и независност 1875–1878. Т. 1. Београд, 1896. С. 57.

⁶ Рајић С. Спољна политика Србије: између очекивања и реалности. 1868–1878. Београд, 2015. С. 388.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.4.5

Н. Г. Струнина-Бородина

О поездке русского художника В.Д. Поленова на Балканы в 1876 г.

Период с 1876 по 1878 гг. в творчестве русского художника Василия Дмитриевича Поленова (1844–1927) считается малоизвестным, а произведения, относящиеся к нему, немногочисленны¹.

Осенью 1876 г. Василий Дмитриевич отправился добровольцем на сербо-черногоро-турецкую войну, которая вскоре переросла в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. В это время Поленов, уже в качестве фронтового художника и сотрудника Санкт-Петербургского еженедельного иллюстрированного журнала «Пчела», находился на Балканах. В течение данного периода (1876–1878 гг.) художник создал серию зарисовок и картин. Это вовсе не сцены сражений, а бивуачные сюжеты, в основном портреты местных жителей, и пейзажи. Его дневник «От Киева до Делиграда»² содержит интереснейшие данные о времени, проведенном на Балканах.

24 сентября 1876 г. Василий Дмитриевич приехал в Белград. Художник с высоким чувством уважения отнесся к сербской столице³. Восхищенно описывая величественный вид города, Поленов, однако, отметил: «Странное дело — мы идем драться за христиан против ислама, а тут мечети»⁴.

Из Белграда 26 сентября 1876 г. Поленов на пароходе отправился в Смедерево и Дубровицы, а оттуда в Парачин и Делиград в армию. На пароходе вместе с художником-добровольцем ехали три доктора, одним из них был Н.В. Склифосовский. Врач возвращался из Черногории и осматривал русские госпитали в Сербии; он рассказывал «чудеса храбрости про черногорцев»⁵. Отметим, что героический образ воин-черногорцев укоренился в России еще с начала XVIII в. После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. представления о воинской храбрости и непобедимости черногорцев настолько укрепились в России, что император даже учредил специальную военную субсидию на содержание черногорской армии⁶, чтобы в случае военных действий на Балканах (предположительно с Австро-Венгрией) Российская империя могла не перекидывать туда свои войска, а воспользоваться черногорскими (около 30 тыс. чел.)⁷.

Когда русский художник-доброволец плыл на пароходе до Дубровиц, он с интересом описывал окружающих его людей: «Много сербов — усатые и безусые, несколько недурных сербиянок в городском национальном костюме: ярко-алая феска с маленькой черной кисточкой (мужчины носят темно-коричневого цвета), обвитая огромной косой черных волос. На торсе надета атласная или суконная турецкая куртка, обшитая серебряным или золотым галуном. У сербских женщин глаза особенно хороши — темные, глубокие, продолговатые»⁸.

В месте следующей своей остановки, г. Пожаревац, Василий Дмитриевич осмотрел местные госпитали, после чего оставил следующие строки в своем дневнике: «Много новых ощущений испытал я в этот день — эти палаты с больными, эти перевязанные руки, ноги, головы, некоторые ампутированные»⁹. Но не все участники боевых действий имели столь тяжелые повреждения. Поленов рассказывает про специальный «дисциплинарный лазарет», где лечат раненых в палец. Художник был удивлен, когда выяснил, что «их приходится почти 80 процентов на остальных раненых. Все утверждают, что они нарочно простреливают себе руку, чтобы иметь пред-

лог уйти из армии»¹⁰. Не самое храброе поведение сербских солдат на поле боя описывает Поленов: «Война ведется тут большей частью так: идут сербы и турки друг на друга и “пуцают” (стреляют), пока не страшно, наконец, подойдут на ружейный выстрел, дадут залп — и кто куда, воображая, что одни других преследуют»¹¹.

По заметкам Поленова можно судить, как сербские солдаты относились к русским и сербским офицерам: русские куда храбрее и добрее сербских, которые, по словам солдат, «неразвиты и невежественны»¹². Красочно и интересно описывает Поленов караван беженцев, болгар и сербов, бежавших из-под Зайчара: множество повозок, тянувшихся друг за другом, женщин с прялками в руках в красивых, богатых одеяниях, кто в монистах из турецких монет, кто в браслетах и других украшениях, и просто красивых платках. «Почти все были одеты хорошо, а многие даже богато, они бежали не после разгрома, а от него», — отмечает русский художник¹³.

Так как Василия Дмитриевича интересовали школы (сам он построил две школы близ деревни Бёхово Тульской области), он воспользовался возможностью осмотреть сербскую школу, когда на одной из станций познакомился с сербским учителем. «Довольно чистая большая комната с немецкими картами. Учится в ней человек семьдесят, теперь, что, впрочем, не мешает им быть еще в очень первобытном и тупом состоянии»¹⁴. Подобные острые и порой грубые высказывания Поленова не были напечатаны в «Пчеле», но содержатся в полной версии дневника, опубликованной дочерью художника¹⁵.

Во время своего пребывания на Балканах осенью 1876 г. доброволец служил под началом полковника Андреева — главы летучего передового отряда. Поленов был удостоен нескольких наград: 1) сербской медалью серебряной «За храбрость», которую ему вручил уважаемый черногорский воевода, делегат от Черногории в Верховном командовании Сербии и Черногории, Машо Врбича; 2) сербским золотым орденом «Таковский крест» с надписью «За веру, князя и отечество»; 3) свидетельством о храбрости за участие в боях 7, 8,

9 октября — выдано художнику-добровольцу полковником Андреевым. В настоящее время военные награды Василия Дмитриевича вместе с его кавалерийской саблей хранятся в музее-усадьбе «Поленово».

Участие В.Д. Поленова в сербо-черногорско-турецкой войне в 1876 г. имело большое значение как для самого художника, выразившего таким образом свой благородный порыв души и желание поддержать братские югославянские народы; так и для русского читателя, которому Василий Дмитриевич показал сербов, черногорцев не только словами (в своем дневнике), но и в своих картинах, частично опубликованных в «Пчеле»; а также и для славянских народов, борющихся за свою свободу и желающих отстоять независимость своих государств, — в их глазах художник своим собственным примером возвысил образ русского человека, благородного и храброго, «старшего брата Руса», как тогда говорили сербы и черногорцы, готового помочь всеми силами и вступить за них.

Примечания

¹ Каталог юбилейной выставки произведений В.Д. Поленова 1844–1924. Издание государственной Третьяковской галереи. М., 1924. С. 6.

² Пчела. 1877. № 9. С. 135–142, № 10. С. 152–153, № 23. С. 352–354; *Сахарова Е.В.* Василий Дмитриевич Поленов, Елена Дмитриевна Поленова. Хроника семьи художников. М., 1964.

³ Пчела. 1877. № 9. С. 135–140; *Сахарова Е.В.* Василий Дмитриевич Поленов, Елена Дмитриевна Поленова. Хроника семьи художников. С. 214.

⁴ *Сахарова Е.В.* Василий Дмитриевич Поленов... С. 215.

⁵ Там же. С. 217.

⁶ *Jovanović R.* Les relations politiques entre le Montenegro et la Russie (1711–1918) // *Le Montenegro dans les relations internationales.* Titograd, 1984. P. 15–55; *Хитрова Н.* Вступительная статья к сборнику документов «Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг.». Т. I. Подгорица. М., 2003. С. 15–25; *она же.* Россия и Черногория в 1878–1908 годах. Ч. 1. М., 1993. С. 111–125; *Бабовић-Распоповић С.* Руски утицај на културно-просветну политику династије Петровић-Његош // *Династија Петровић-Његош.* Т. II. Подгорица, 2002. С. 407–412; *Струнина Н.Г.* Из истории российско-черногорских отношений: визиты Николая Петровича-Негоша в Россию // *Славянский альманах.* 2012. М., 2013. С. 142–158; *Струнина-Бородина Н.Г.* Черногорский вопрос во внешней политике России при Николае II // *Императорский Дом Романовых и Балканы.* М., 2014. С. 303–316.

⁷ *Хлебникова В.Б.* Российский дипломат К.А. Губастов и его служебная записка «Черногория. 1860–1900 гг.» // *Славяноведение*. № 5. М., 1997. С. 35–51.

⁸ *Сахарова Е.В.* Василий Дмитриевич Поленов... С. 217.

⁹ Там же. С. 218.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 216.

¹² Там же. С. 218.

¹³ Там же. С. 219–220.

¹⁴ Там же. С. 220.

¹⁵ Там же. С. 213–224.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.4.6

Л. Ю. Пахомова

Российское консульство в Боснии и Герцеговине в австро-венгерский период*

В 1878 г. на Берлинском конгрессе Австро-Венгрия получила мандат на оккупацию Боснии и Герцеговины — территорий, где Порта не смогла провести реформы танзимата. Важными свидетелями проведения как османских¹, так и австро-венгерских реформ были иностранные консулы, писавшие о ситуации в крае. Донесения российских дипломатов оказываются одновременно и ценным источником исследования провинции, и уникальным материалом по изучению русско-австрийских отношений в боснийской проекции. Однако интересны не только сведения, предоставляемые консулами, но и сама работа российского консульства.

Россию в габсбургской Боснии представляли консулы Николай Николаевич Ладыженский (Лодыженский; 1879–1880 гг.), Модест Модестович Бакунин (1880–1893 гг.), Гус-

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках работы над проектом № 18-09-00346а «Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники о Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе Нового времени: от наблюдений к знаниям».